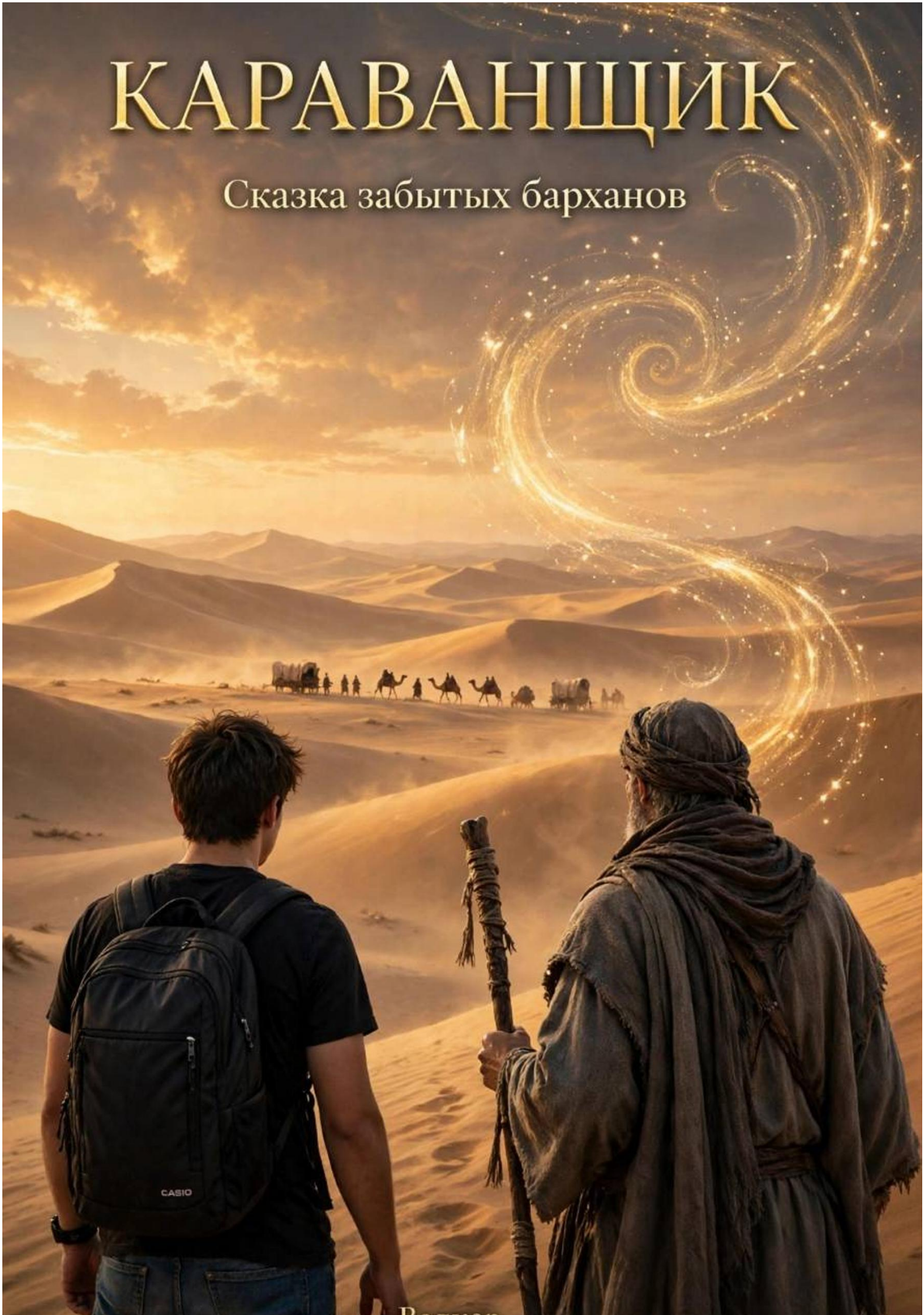
КАРАВАНЩИК

Сказка забытых барханов

Валкер

КАРАВАНЩИК: Сказка забытых барханов

«Автор»
2026

Валкер

КАРАВАНЩИК: Сказка забытых барханов / Валкер — «Автор», 2026

Философско-мистическое путешествие в прошлое, там где теряются истоки и начинается путь в настоящее. Караван идёт сквозь зыбучие пески, где у каждого путника свой забытый бархан...

© Валкер, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Старик и путник 5
Оазис 9
Пирамида 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Валкер
КАРАВАНЩИК: Сказка забытых барханов

Старик и путник

Мой добрый друг, передохни с дороги на пять минут и открой этот небольшой рассказ. Может быть ты и себя увидишь в нём – идущим вдаль к своему бархану...

ПРОЛОГ

Караван шёл не один день, не одну неделю, не один месяц. Время тянулось своим чередом, день сменялся ночью, а ночь днём. Никто не знал, как долго в пути караван – он просто шёл не сворачивая своим устойчивым направлением, встречая заплутавших странников либо их блуждающие тени.

Постоянно блуждая по пескам своей жизни, часто ли человек задаётся вопросом – зачем это ему надо?

Смеркалось. Старик посмотрел на небо, окинул задумчивым взглядом простирающийся перед ним горизонт бесплодной пустыни, и сделал знак погонщику остановиться на ночёвку. Полусонный и измученный долгим переходом караван, как будто весь одновременно издал облегчённый вздох о скором наступлении долгожданного отдыха. Везде слышалось тяжёлое дыхание, недовольство от голода и жажды, а также ворчание от натёртых в мозоли гудящих ног. Старик обходил каждого и делал какой-то многозначительный вывод от увиденного. Он сейчас приказывал никому не расслабляться, но каждой группе ставить палатки и сооружать костры, что вызывало ещё большее раздражение и возмущение уставших. Казалось, что он совсем не слышит их недовольный ропот и будто через него, как сквозь невидимую стену всё проходит без задержек. Его морщинистое, как высохшее яблоко лицо, постоянно оставалось безмятежным, а для новых изгибов эмоций и складок удивления там просто не было места, во всяком случае, он так объяснял путникам, почему его лицо было всегда неизменным. Лишь только его глаза озарял непонятный внутренний свет, который манил своим магнетизмом. Любое умственное сопротивление, пылкие роптанья, слёзные жалобы путников моментально исчезали, натыкаясь на этот магический свет. Недовольный народ обратно убирал в свои рюкзаки спасительные фляжки, сворачивал наспех откусанные бутерброды, и снова шнуровал ненавистные ботинки, бормоча себе под нос ругательства в сторону караванщика. Но все понимали, что он прав. Вдоль всего каравана то и дело слышались препирания, выяснение отношений на лидерство между путниками, подтрунивания и едкий смешок. Через некоторое время на фоне чернеющего неба, наконец, стали проявляться первые горбы палаток. Когда полностью стемнело, то вдоль всего каравана по левую и правую стороны от него стояли одно и двух или трёхместные палатки. По ходу всего пути народ кое-как смог друг с другом познакомиться, сойтись по интересам, и тем самым того не ведая, сдружиться. Те, кто настаивал на лидерстве, в итоге, как правило довольствовались одноместными палатками, те же кто был без претензий объединялись по двое или трое. На некоторых палатках висели индейские ловцы духов. На других – кресты восточного или западного толка. На иных – чётки и образы своих гуру. На остальных – просто высший космический символ. Кто-то второпях очерчивал вокруг своих палаток окружность и расставлял по ним зажжённые свечи. Кто-то бережно вынимал из туго перевязанных тряпиц сухие веточки и аккуратно прикреплял их у входа. А кто-то вообще ничего подобного не делал, и его палатка не была отмечена никакими магическими знаками. На этих пустынных барханах, где караван встал на ночлег, можно было раздобыть также и хворост для огня. Постепенно зажигались костры и в разгорающихся всполохах огней стали проявляться очертания лиц людей. Здесь были пожилые и средних лет, мужчины и женщины. Среди

них детей не было. Самым молодым путникам было чуть более пятнадцати и те, кто обращал внимание на таких юнцов невольно удивлялись и задавались вопросом, откуда здесь эта молодёжь? Но им было невдомёк, что караванщик принимал и тех, кто начинал входить во взрослую жизнь с вопросами о жизни. Пришло время ужина. Везде стоял гомон вокруг кипящих котелков, пахло пакетированными супами, овощами и кашами. Затем шрапнелью застучали алюминиевые ложки по мискам. И наконец, подошла молчаливая очередь стаканам и чашкам. Насытившиеся тела потянуло к звёздам, над которыми и так уже давно был раскинут волшебный ковёр мерцающих точек. Почти все смотрели вверх, в бездонный и чёрный простор. Кое-кто резко с возгласом вскидывал руку, указывая на падающую звезду, и наверное успевал загадать желание. А более сведущий в звёздных делах, даже, рассказывал про созвездия, их легенды и те расстояния, на которые они удалены от взирающих на них всеобщих глаз. Насмотревшись ввысь, путники постепенно опускали затёкшие шеи к делам земным, делам насущным. Доставался из чехлов музыкальный инструмент и лихорадочно пересчитывались банковские кредитки в надежде на сохранность после долгого перехода. Листались глянцевые журналы с модными авто и тяжёлые фолианты особых книг. Вынимались колоды карт и расставлялись на досках шахматные фигуры. И даже откупоривались долгожданные бутылочки. Все были при делах. Лишь не сиделось одному караванщику, который неспешно ходил вдоль всего каравана и с интересом смотрел на людей. Подходя к той или иной группе он приостанавливался, прислушиваясь к их разговору или возникшему спору, а затем шёл дальше. В его поведении была непреложная открытость к путникам, и к их озвученным мыслям. Вокруг костров велись неспешные беседы о возвышенном. Кто-то затаив дыхание внимал говорящему, кто-то спорил, кто-то соглашался и удовлетворённо кивал услышанному. Кто-то совершал вокруг своего костра плавные движения телом, кто-то молча созерцал танцующее пламя и наслаждался им. А кто-то просто глухо мычал у своего огня с закрытыми глазами в особых позах, каменные лица которых были отмечены высшими божественными метками – сажей от костра. Все путники делали то, что и всегда. Были и такие, кто успев принять в свои ряды новых почитателей, наставив их на путь истинный великими знаниями, отходили в сторону, доставали курево и довольными прикладывались к своему «НЗ». Ночь была в разгаре, а угар некоторых путников становился всё сильней. В караване был негласный закон свободы без насилия, где у каждого было право на свои мысли и действия без крайне радикальных их актов проявлений. Те же, кто переступал невидимую черту – немедленно изгонялись прочь и более не имели возможности присоединиться к путникам. Бывало и такое, что их блуждающие тени попадались на пути каравана. Некоторые путники, нашедшие себе пару, старались держаться особняком, независимо. Такие уже давно находились в своих палатках, которые время от времени сотрясались под восторженный возглас одиноких свидетелей. Старик же аккуратно расставлял их разбросанную впопыхах обувь и шёл дальше. Бывало и такое, что ему приходилось собирать также и мусор, ибо некоторых путников совсем не волновала чистота на бескрайних, пустынных барханах. Караванщик подошёл к одинокой фигуре у огня и поинтересовался его одиночеством. Глубоко вздохнув, тот ответил что его друзья недавно уединились по своим палаткам, и вот теперь он – один. Старик явно хотел что-то от него и не уходил. Они сидели молча и смотрели на языки огня, а внутренне обращали свой взор друг на друга. Между ними создавалось некое соединение, перекидывался мостик внутреннего доверия. Караванщик заговорил первым, сказав что давно приметил его и искал естественной встречи, чтобы кое-что ему показать. У путника, который ничем не отличался от себе подобных, закралось сомнение с интересом к старику и ему захотелось узнать, как часто тот подходит к путникам с подобным предложением, ведь о нём сложилось впечатление, как об отстранённом и суровом вожатом. Караванщик выдержал паузу и ответил, что делает это с каждым, кто готов к разговору, так как у каравана долгий путь, а ему спешить некуда – у него вся вечность впереди, в отличии от путников. Старик встал и сказал тому оставаться у огня и не ложиться спать, и что ему надо ещё обойти

весь лагерь, а когда всё стихнет, то они снова встретятся. Путник был впечатлён их встречей под звёздами. Он точно знал, что знакомые ему созвездия изменили свои местоположения, и что сейчас взошла его «звезда». Почти весь лагерь стих. Доносились лишь редкие и истошные крики некоторых во всеуслышанье признававшихся в любви к человечеству и богу. Затем, и они стихли в бездонной черноте. Над бесплодной пустыней догорали костры и лишь один из них всё ещё «жил» своим ярким танцем, где одинокая фигура возле него ожидала назначенной встречи.

Пустыню, как и весь караван объял безмятежный сон. Тёплый воздух мирно прикасался к палаткам и заглядывал вовнутрь сквозь распахнутые окна, будто с интересом наблюдая за непрошенными гостями. Казалось, что весь лагерь находится под неведомой защитой: никаких злобных насекомых, диких животных, непогоды и прочих неудобств полевой жизни – не было, всё это странным образом обходило их стороной под задушевную трель ночных цикад. Небо было ясным и звёздным. Где-то вдали редкие вспышки молний, у которых было скромное право на мгновенье в этой единой чёрной бездне, очерчивали разделяющим горизонтальным штрихом две сферы мироздания: земную и небесную. Вдруг послышались шуршащие шаги по песку и из кромешного мрака вынырнуло очертание караванщика. Старик подошёл и сел на прежнее место. Он посмотрел на путника и улыбнулся. Тот в свою очередь ответил ему взаимностью. Затем старик поинтересовался его состоянием, не тянет ли того в сон и не хочет ли он забыться в удобном спальнике взамен их беседе? Ему путник ответил, что сейчас в нём идёт борьба между физической привычкой, поддержанной мыслью о распорядке дня и огромным интересом от предвкушающей неизвестности. Старик протянул к нему руку, щёлкнул пальцами несколько раз и дунул в его лицо. Сон с осоловелых глаз путника мгновенно слетел, а восприятие его ума стало обострённым, как днём. Похоже, что это придало ему сил и он сразу же перешёл в наступление с расспросами о возрасте старика, и как долго тот в пути? Караванщик улыбнулся и ответил, что себя помнит с тех пор, как человек задался́ вопросом о смысле жизни и что его караван идёт из прошлого через настоящее в будущее своим неизменным курсом. Что этот курс прокладывает не он, а сами путники своим настроем, поведением, отношением друг к другу. Он лишь наблюдает за ними и не вмешивается в их образ жизни. Он здесь, как неотъемлемая часть *их* путешествия и все принимают его главную роль с согласием, хотя и беспредельно ворчат. Здесь старик улыбнулся и его глаза озарились огнём безмерного сострадания. Между ними затянулся долгий разговор о смысле жизни, о смысле бытия. Путник говорил караванщику свои выкладки о категоричном отношении к окружающим, к самому себе, про тяжесть внутренних несовершенств, а тот, кивая, соглашался либо нет. Жестикуляция путника возросла, когда он стал говорить о реинкарнациях: о том, что его ум периодически был захвачен тем или иным глубинным интересом различных эпох. И что он мечтал бы кое-что узнать о них из реального опыта, а не опосредованно через фокусы с картами Таро или в умудрённых зодиакальных расчётах. К тому же, у него было неистребимое желание посмотреть на себя «прошлого» и поправить себя настоящего, сделаться лучше. Здесь караванщик уточнил у него об искренности желаемого и тот с пылом и страстью ответил, что был бы благодарен по гроб, если бы такое переживание у него состоялось. По лицу старика пробежала лукавая улыбка, которую пропустил молодой человек. Постепенно старик стал замечать нарастающую нервозность собеседника. Путник озадаченно ответил, что их беседа, да и вообще сегодняшняя ночь как-то странно затянулась, и что по его соображению уже должно приближаться предрассветное утро, которое всё никак не может наступить. Старик успокоил собеседника, сказав, что тот находится в его времени и что волноваться ему нет особой причины. Воцарилась пауза, а точнее немой вопрос к караванщику. Без лишнего промедления тот указал на созвездия, которые находились на своих местах аккурат тогда, когда весь лагерь погрузился в сон. Путник не верил ушам, а тем более своим глазам, которые округлились от увиденного звёздного неба. Постепенно его рот открывался всё шире и шире, а горло стано-

вилось всё напряжённее от сдерживания вырывающегося из груди – испуганного крика. Его тело стало запрокидываться назад, а руки хвататься за воздух. Караванщик успел подхватить его и вернуть в прежнее положение. У путника пропал дар речи, только широко и безостановочно хлопали веки. Скоро он пришёл в себя. Отстранившись от караванщика, он резко встал и обвёл глазами лагерь. Его нигде не было. Ноги у путника подкосились, и он опять рухнул. На кромешной бесплодной пустыни средь мириада звёзд находились лишь две тени у костра.

Ночной хоровод из звёзд уступил своё право единственной звезде – Солнцу. Над горизонтом занимался долгожданный рассвет. Путник плотно сжимал свой живот обеими руками, а его – бившееся мелкой дрожью – тело монотонно раскачивалось назад и вперёд. Его ум, то бурлил потоком мыслей о том, как ему без средств существованья выжить среди этих барханов, то замедлял раскручивать свой вихрь, когда его глаза с боязливым подозрением натыкались на старика. Караванщик же сидел, как ни в чём ни бывало. Для него ничего странного не произошло: все звёзды были на своих местах, а Солнце точно взошло по графику, и точно с востока. Вдруг стал накрапывать дождик, а затем пошёл и снег. Дождь со снегом в пустыне среди барханных песков? Но в мире, где рассудок теряет власть и контроль над разумом – всё возможно. Возможно даже и такое, что ни одна капля и ни одна снежинка не коснулись ни караванщика, ни путника. Они оставались сухими, как будто невидимая и прозрачная оболочка окутывала их тела. Наконец, совладав с собой, путник поднял голову и измученными глазами посмотрел на старика. Тот был спокоен, как скала. Караванщик скосился на него, выдержал паузу, наверное проверяя готов ли тот к новым неожиданностям и показал рукой на что-то за спиной сидящего. Путник с еле сдерживаемым усилием повернулся, и взглянул в направлении вытянутой руки старика. Его взору предстали величественные и сияющие золотом на утреннем солнце пирамиды средь изумруда бесчисленных пальм. Барханы огласил душераздирающий вопль. Караванщик медленно поднялся и подошёл к молодому человеку. Старик плотно обхватил ладонями его поникшую голову, посмотрел в безвольные зрачки молодого человека, и как следует встряхнул его тело. Казалось, что резкое движение привело все внутренние «шестерёнки» путника в действие, вернув ему чувство и осознание. Каким-то образом у караванщика в руках оказалась фляжка с водой и он протянул её бедолаге. Тот вцепился в неё зубами, пока полностью не осушил. Наконец придя в себя, к нему вернулась речь и он смог говорить. Его вопросам не было конца, старик лишь терпеливо ожидал пока тот не выговорится. Настала очередь караванщика, который напомнил, что тот хотел увидеть своё прошлое – вот оно и состоялось. И теперь от путника ожидается высказанное им горделивое обещание, ведь за язык его никто не тянул. Но старик пояснил, что вовсе не нуждается в лести или обильных поклонениях, ибо ему интересна реальная встреча путника с его забытым прошлым и его готовность увидеть то, к чему тот стремился, чего жаждал познать. И если его слова́ действительно имеют ценность, то им надо собираться в путь к тем пирамидам. Если же все его заверения были лишь пустым звоном, то сейчас он войдёт в сон, а затем проснётся среди знакомых ему палаток, и память об этой ночи исчезнет. Сделав над собой усилие путник поднялся, глубоко вдохнул и резко выдохнул. Затем, он встряхнул головой и сказал старику, что готов. Караванщик присыпал догорающий хворост песком и они отправились в путь. До пирамид неспешным шагом было не более часа. Они спустились с бархана вниз, затем поднялись на следующую вершину. Так они проделали это ещё несколько раз. На последнем подъёме, когда старик и путник взобрались на барханный горб, их взгляду предстал неспешно идущий караван. Там было всего несколько человек и явно не из современной эпохи. Вёл караван тот самый старик, который сейчас стоял рядом со своим путником.

Оазис

Они догнали караван, но на них никто не обратил внимание и казалось, что их вообще никто не видит. Путник сказал об этом наблюдении старику и тот утвердительно кивнул. Пристроившись к группе сзади, два новых ходока пошли вместе с караваном к приближающимся великим пирамидам. Величественные, белоснежные в золоте – великие пирамиды действительно оправдывали своё возвышенное название. Путник попробовал сравнить образ привычных ему пирамид из учебников истории или открыток с тем, что он сейчас лицезрел, но сравнение никуда не годилось. Всем известные нам фотографии показывают лишь «останки» той былой роскоши. А тогда эти грандиозные сооружения сияли не одну тысячу лет, пока пять неистовых волн экспансий не прокатились по земле Египта, где каждая норовила смыть его с лица земли. От этого познания у путника защемило под сердцем и он пришёл в глубокое уныние и печаль. Караван тем временем вошёл в оазис и тот час окунулся в его повседневную жизнь. Везде суетился народ самых разных сословий, а защитный гарнизон своим пристальным оком охранял их тривиальный быт. Везде царил порядок и организованность. От обилия ярких красок рябило в глазах. Повсюду были стелы, обелиски, сфинксы. Сколько находилось монументов, посвящённых Ра, Пта, Осирису, Исиде, Сету, Гору, Тоту, Бастет, Анубису и прочим богам, включая изваяния усопшим фараонам и ныне царствующим их наследникам, не составляло возможности пересчитать. При чём, как только фараон восходил на престол, то сразу же начинала возводиться его грандиозная усыпальница. Идя по оазису, наши «пришельцы» наталкивались на огромное количество жрецов с обритыми головами, обнажённые части тел которых обильно смазанные особым маслом, сияли на солнце. На их шеях висели небольшие бронзовые, серебряные или золотые анхи, дугообразные кресты Осириса или ключи жизни. Путник сделал вывод, что носимая атрибутика в металле говорила о статусе жреца. **Прекрасная иллюзия величия служителей культа!** Этот оазис был невероятных по площади размеров, которого ещё не проглотила барханная пустыня. Здесь были богатые дома у зажиточной номенклатуры, обильный рынок, сносные бараки для вольнонаёмного люда, хижины для рабов, амбары, много колодцев и загонов для скота, мастерские, а так же масса ночлежек. По ходу путник засматривался на молодых и стройных египтянок с детьми или без них, а неотъемлемое присутствие безжалостных надсмотрщиков-сатрапов с кнутами, согласно современным фильмам и книгам о Древнем Египте, никак не попадалось в поле его зрения. На караван никто подозрительно не косился и никто не обходил его стороной. Лишь какой-то человек и то не военный, с папирусным свитком подошёл к тому караванщику, что привёл сюда своих людей, перекинулся с ним парой слов и внёс запись. И всё! **Ни досмотра, ни проверок, ни требования документов – ничего. И кто из нас после этого древний? Мы или они?** Старик объяснил путнику, что караванщик, т.е. он сам, часто заходит с караваном на постой в различные оазисы, сопровождая желания путников и их чаянья. Здесь, в этом караване, путников пока немного, но по ходу жизни – те люди, в которых происходит осмысление их личной жизни, сами того не ведая становятся «путниками». Они могут не ходить по различным семинарам, не быть собственностью гуру, но в круговороте обыденных дел просто быть с чистым сердцем. Такие, в своём осознании они находят этот «караван», и невольно присоединяются к нему. Старик продолжал говорить, что по пути каравана он многих похоронил, но им взамен всегда приходят новые путники. Он сам не знает, дойдёт ли кто-нибудь из них до своей намеченной цели – они просто ищут, как бы идут вперёд из своего несовершенного прошлого через поиск настоящего к совершенному будущему себя. И те, у кого за время их перехода открывается внутреннее зрение, задаются таким же желанием «нырнуть» в свою былую реальность. Старик подмигнул и похлопал путника по плечу, сказав, что караван здесь задержится на несколько дней. А им надо в пирамиды – туда, где было его прошлое, конечно, если тот готов

к встрече. Путник оторопел и слегка напрягся от скорой встречи с «тенью» своего прошлого без должной спецподготовки: без особых магических ритуалов, без очистительной медитации, без омовения в святой воде и без осыпания себя священным пеплом. **Каждый из нас всегда хочет и желает выглядеть в своих глазах, а тем паче в глазах окружающих, особым или известным персонажем, оставившим в истории неизгладимо праведный след и совсем не желает лицезреть «того» себя в обносках или ещё хуже, быть участником тёмных делишек.** Так же старик сказал, что у соискателя есть всего два шанса на встречу. Если при первом разе паника и волнение скуют осознание страхом, то может быть дарована вторая, последняя попытка. Здесь ему надо быть искренним и честным перед собой, ибо только эти качества сделают встречу устойчивой. У путника было сейчас такое состояние, будто его приговорили к смертной казни: ноги отказывались идти, а мочевой пузырь и кишечник готовы были опорожниться в любую секунду.

Пирамида

Так, он сделал шаг к пирамиде, проход к которой был выложен из каменных плит и тянулся почти на несколько десятков метров между изваяниями богов, чьи неземные образы вселяли метафизическое наваждение. Периметр пирамиды охранял пеший отряд и несколько колесниц. Сам же вход в пирамиды был под неусыпным оком многочисленных жрецов. Просто так сюда невозможно было попасть, даже знатному господину. Но чтобы здесь оказаться, посетителю нужна была чрезвычайно веская причина. Входящего сюда – всегда сопровождало по два жреца. Старик и путник спокойно миновали вооружённый отряд и вошли вовнутрь, ведь они были абсолютно вне поля зрения египтян, так как находились в ином времени. В коридоре они сразу же наткнулись на неподвижную, у стены, фигуру старого жреца в окружении грациозных кошек. На всех были изящные золотые ошейники, инкрустированные бирюзой, сердоликом, яшмой, аметистом с горным хрусталём. Похоже, что жрец был их смотрителем. Одна из них мирно покоилась на коленях спящего в кресле старца. Караванщик шепнул путнику, что это особые храмовые кошки. Молодой человек, хоть и состоял в фелинологическом клубе, но никогда не видел такой породы. Он протянул руку, чтобы погладить чёрную шубку, но та резко открыла широкие миндалевидные глаза янтарного цвета, которые стали менять свой окрас на изумрудный, и пристально уставилась на внезапного нарушителя её покоя. От её осмысленного взгляда у путника закружилась голова и он качнулся, как пьяный. Получив ощутимый тык палкой от старика, путник вернулся в реальность, почесав свой затылок. И его сразу же посетила конспирологическая догадка, что жрец вовсе не спал, но пребывал в трансе. И что, именно эти кошки принесли жрецам особое знание в области мистики. И после, исчезли с упадком Египта. Караванщик ещё раз ткнул своего попутчика, и они двинулись дальше. А потревоженная кошка, проводив их немигающим взглядом, сладко зевнула, потянулась, и снова удобно застыла на коленях своего жреца. Внутри не было темно, несмотря на отсутствие сквозных отверстий для прямого доступа света. Везде горели, не чадившие копотью лампады и воздух оставался свеж. Путник отметил наличие грамотных инженерных расчётов, проведённых египтянами для прокладки вентиляционных шахт, что были искусно скрыты в толще камня. «Современным специалистам следовало бы поучиться у древних в оном мастерстве»: проносилось в его уме. Везде, куда падал его глаз, находились разноцветные фрески с бесчисленным количеством богов. На них изображались также излюбленные для египтян священные скарабеи и орлы с раскидистыми крыльями, а многие из них были увенчаны глазом Исиды. Вся эта магическая атмосфера стала сильно воздействовать на восприятие путника, заставив того неловко чувствовать себя в современной одежде, включая даже наличие наручных часов. У него возник импульс всё это снять и если остаться не голым, то хотя бы частично соответствовать окружающим их жрецам, но твёрдая рука старика остановила его от подобного акта. Коридор разделился на две части: один проход вёл вниз пирамиды, другой выше к его середине. Старик сказал, что идти им надо вверх, ибо его предполагаемая встреча была именно там. Путник снова напрягся, стиснув губы. На фоне жречества два новоявленных персонажа выглядели странно и немного нелепо, не по эпохе. Параллельно им шли жрецы, а некоторые даже проходили сквозь них. Для путника всё казалось сновидением или фантастическим фильмом. С каждым шагом к намеченной цели, в сферу ума путника стало проникать слово Анхе́токеб. Что бы это значило, задавался вопросом его ум? Так они дошли до верхнего зала. Помещение было вместительным. Внутри также горели лампады, было много жрецов, занятых своим делом. Старик поинтересовался у путника, не знакомо ли ему это место? На что, тот ответил уклончиво-отрицательно, хотя внутри него пробежал холодок, а тело покрылось мурашками. Небрежно взмахнув рукой, старик утвердительно сказал молодому человеку, что это – он. Визитёр резко закрыл глаза и судорожно склонил голову. Вспомнив наставление караванщика,

он опомнился и стал медленно поднимать взгляд. При этом, сам того не ведая, мёртвой хваткой вцепился за плечо старика. Тот участливо улыбался, а мудрые глаза были полны сострадания. Путнику казалось, что он поднимал голову целую вечность, хотя до указанной стариком цели было не более пяти метров. Наконец, он собрал волю в единый луч и смело посмотрел на того, кто был известен караванщику-старику, но не ему лично. И путник увидел себя.

Днём раннее, когда караван бороздил бескрайнюю пустыню «отчуждения», что была навеяна или материализована мыслями путников, молодой человек задавался вопросом о духовном пути: «Как отличить настоящего искателя от маскирующегося под него? Как понять, что идёшь духовным путём по-настоящему? Какие черты присущи реальному искателю?». В сферу его ума приходили самые разные мысли. Из буддизма с философией отстранения, наблюдения и познания для достижения «чистой земли» и вхождения в нирвану. Из христианства с моралью терпимости и укрепления духа через страдания крестных мук с испитием чаши катарсиса во спасение души для обретение рая. Из ислама с его полным подчинением и покорностью имамам иль шариату. Из индуизма с блаженствующим приятием любой кармы и отдачей себя на милость Всевышнего с не привязанностью к результатам или плодам деятельности. Из медитативных практик и мантрических гимнов, а также из философских книг. Он вопрошал, как всё это удержать на тонкой грани, когда раздавлен во время тяжёлых минут испытаний? Где этот небесный эталон, который всегда остаётся истинным, сияющим, экстатичным? В чём загадка, трудность и лёгкость духовного пути? Останутся ли в осознании достижения после нашей смерти или всё бесследно исчезнет? У путника был также и вопрос: как часто мы обманываемся истинностью своего мнения, а сами из абсурдных шагов складываем свою жизнь. При этом, «мы», он имел в первую очередь себя, а затем и тех, кто открыто заявляет о духовности, а именно своих попутчиков. Он продолжал выражать мысль, что уход от сопутствующих трудностей или избегание мира – не приносит ощутимого результата, но находиться в нём – нет никаких сил. И этот парадокс трудно уловим. Его приятель по каравану заявил, что такие мысли приходят к тем, кто переслушал Бетховена с Бахом и посоветовал ему не перенапрягать свой мозг. И вот, находясь в древнем зале под сводами тысячетонных плит, где единственная музыка – это музыка вечной тишины, молодой человек изо всех сил старался оставаться спокойным за мгновенье до своей «исторической встречи». Что же касается старика: то любые чаянья людей по извечному с их муками поиска – совсем не интересовали его и он, как всегда, оставался безмятежным. И был ли он тогда человеком? Путника из задумчивости вывело слово, которое уловил его ум, когда они шли по священному коридору. И вот опять, но не с помощью потусторонних сил, а здесь наяву, он ясно видел, как обращаются к одному из жрецов, называя того – Анхетокеб. Анхетокеб?! О, боже! Невероятно! Немыслимо! Весь этот всплеск из восклицаний спрессовался в одно единственное мгновенье времени, где пожилой жрец с золотым анхом трепетно глядел перед собой, словно кто-то позвал его из пространства. Выглядело это так: группа жрецов совершала ритуал перед бальзамированием пожилой госпожи, рядом с телом которой лежали её многочисленные золотые украшения. Среди них особо выделялась золотая брошь с глазом хищной птицы из редкого изумруда. И вдруг один из почтенных жрецов резко остановился, забыв о важном ритуале и обернулся назад, будто его коснулась невидимая рука. Он сделал несколько шагов и застыл с немигающим взором. В его глазах было удивление и страх. Жрецы недоумённо остановились и старались призвать того назад к обряду, обращаясь к нему Анхетокеб. Но он, забыв обо всём на свете, нарушив оккультный круг, направился туда, где стоял путник со стариком. Всё внимание старого жреца было направлено на пространство, где был «невидимый» молодой человек. Казалось, что жрец сканирует воздух всем вниманием на инородный предмет. Инородным «предметом» будет одна из его будущих инкарнаций в джинсах, ботинках и с пылезащитным Casio на запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.